

УДК 159.923

ПАРАСУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СВЕТЕ ФУТУРРЕАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Каневский В.И.

Футурреальная психология фокусируется на ориентации личности в отношении будущего времени, исходя из ситуации настоящего времени. Футурреальная психология предполагает изучение будущего через целевую направленность, в которой цель является операциональным компонентом. Цели могут быть "близкие", "средние" и "дальние". Парасуицидентам присущ выбор преимущественно близких целей в сравнении с лицами, не совершавших суицидальных попыток и ориентирующихся на дальние, перспективные цели.

Ключевые слова: парасуицидальное поведение, футурреальная психология, цели, целевая направленность, операциональный компонент.

PARASUICIDAL BEHAVIOR THROUGH THE LENSES OF THE FUTURE-REAL PSYCHOLOGY

Kanevskiy V.I.

The future-real psychology focuses on the orientation of the individual in respect of the future time based on the situation of the present time. The future-real psychology suggests studying the future through the goal orientation where an operational component is the goal. The goals can be "close perspective", "medium perspective" and "long perspective". Parasuicidal individuals are characterized by "close perspective" goals in comparison with those who do not have a wish to commit a suicide because they follow the long perspective goals.

Keywords: parasuicidal behaviour, future-real psychology, goals, goals orientation, operational component.

Одним из важнейших вопросов, стоящих перед суицидологией в понимании механизмов суицидального поведения (термин, предложенный Deshais G. (1947), в нашем случае, парасуицидального (имеется в виду попытки,

не завершившиеся летальным исходом (N. Kreitman и А.Е. Philip (1969), является отношение субъекта к будущему.

Еще И.П. Павлов подходил к самоубийству в контексте описанного им рефлекса цели. Рассматривая рефлекс цели с физиологической точки зрения, исследователь заключил, что человеческая жизнь состоит в постановке и преследовании целей с применением для их достижения «всех степеней человеческой энергии». Часто энергия тратится на ненужные, пустые цели. Для человека важно не столько достижение цели, сколько стремление к ней. Основная причина самоубийств многих людей, по мнению И.П. Павлова, отсутствие цели: «Разве мы не читаем весьма часто в записках, оставляемых самоубийцами, что они прекращают жизнь потому, что она бесцельна... Трагедия самоубийцы в том и заключается, что у него и происходит чаще всего мимолетное, и только гораздо реже продолжительное, задерживание, торможение... рефлекса цели» [12, с. 15]. Если цель исчезла, ее надо заменить другой, т.к. цели человеческой жизни неистощимы и безграничны. Когда у больного угасает рефлекс цели, его нужно переключить на новые перспективы.

На важность постановки целей указывал В. Франкл, говоря о том, что это был один из важнейших факторов, обуславливающих выживание человека в пограничной ситуации Освенцима. Относительно смысла жизни В. Франкл говорит о том, важен скорее не смысл жизни вообще, а специфический смысл жизни личности в конкретный момент [13, с. 195]. К этому можно добавить замечание экзистенциального психотерапевта И. Ялома о том, что «смысл» и «цели» – это несколько разные вещи, ибо поиски смысла подразумевают поиски некоей связи, порядка, а «цель» относится к намерению, задаче, функции. Однако добавляет он, в традиционном понимании они часто взаимозаменяемы и синонимичны [14, с. 473].

В работах представителей когнитивно-поведенческого направления были выделены такие факторы, как дисфункциональные установки и убеждения, недостаточный уровень способности к решению проблем, склонность к переживанию безнадежности и сниженная способность к прогнозированию

позитивных событий в будущем. Достижения в этом направлении связаны в первую очередь с именем А. Бека и практикой когнитивной терапии.

Исследование способности к переживанию безнадежности и негативное отношение к будущему – одна из перспективных идей, разработанных в контексте когнитивного подхода к проблеме суицида. А. Бек считал ее даже более репрезентативной в прогнозе суицида, нежели депрессию [15]. «Безнадежность – своего рода ключ к предрасположенности к суициду» [17]. Анализ существующих психологических трактовок надежды (Дж. Аверилл, К. Муздыбаев, С. Снайдер, Е. Стотланд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон), позволяет сделать вывод о том, что их объединяет понимание надежды как ожидание желаемого и вера в то, что оно может быть достигнуто [8; 9].

К. Изард, говоря о теории эмоций Е. Стотланда, приводит взгляды последнего: «Он определил надежду в терминах ожидания достижения цели... Всякий организм ориентирован на цель, а мотивация к достижению цели есть составная функция воспринимаемой вероятности цели. Важные цели с высокой возможностью достижения (большая надежда) вызывают положительный эффект (радость, удовольствие); важные цели с низкой вероятностью достижения - тревожность или депрессию... Шизофреник – это тот, кто потерял надежду на достижение цели в реальном мире и кто вследствие этого создал свой собственный нереальный мир. Депрессия рассматривается как другая форма безнадежности» [4, с. 179].

В серии лонгитюдных исследований была доказана тесная взаимосвязь безнадежности с суицидальным поведением. В частности, было установлено, что высокие показатели безнадежности позволяют предсказать осуществление завершеного суицида в течение десяти лет [15]. Исследованию связи феномена безнадежности и парасуицидального поведения посвящен ряд наших работ [5; 6], работ коллег [10]; краткий обзор ряда последних изысканий дан в нашей статье [7].

Таким образом, постановка целей, видение перспективы может быть весьма существенной в прогнозе и коррекции суицидального поведения. В то

же время, вопрос содержания целей почти не рассматривался, что, на наш взгляд, значительно сужает видение проблемы.

В этом отношении весьма плодотворной видится нам концепция футурреальной психологии Я.В. Васильева [2; 3] и возможность рассмотрения особенностей суицидального поведения в свете этой концепции.

Футурреальная психология во главу угла ставит ориентацию личности на ситуации будущего времени, исходя из ситуаций настоящего времени. Автор концепции полагает, что изучать будущее мы можем через направленность личности, в которой операциональным компонентом является цель. Изучая цели, мы изучаем направленность личности по тем предметам и объектам, на которые эти цели направлены.

Автором при анализе ситуаций был установлен пространственно-временной континуум. Им была выявлена уровневая структура внутриситуационных отношений, состоящая из трех уровней – ситуативного, ситуационного и надситуативного. Было установлено, что ситуативный уровень опирается на ситуации актуального и глубинного прошлого времени, ситуационный – на ситуации настоящего времени, а надситуативный – на ситуации будущего времени.

Цели выступают связующим звеном между реальными ситуациями настоящего времени и будущим, а за целями стоят мотивы и способы действия. Для экспериментального исследования футурреальности личности исследователем была разработана «Методика исследования целевой направленности личности»; подробнее о ней и способе ее применения можно узнать в работе Я.В. Васильева «Футурреальная психология личности» [3].

По высоте цели разделялись на три вида: близкие, средние и дальние, которые соответствовали ситуативным, ситуационным и надситуативным уровням. Каждый уровень определялся по содержательному анализу целей и их удаленности от реальной ситуации настоящего времени.

Разделение целей на виды по удаленности от ситуаций настоящего времени отражают определенную степень проявления футурреальности

личности. К ситуативному уровню относились близкие цели, выраженные одним или двумя словами, смыслом которых была меркантильная или утилитарная мотивация, и в основном они относились к личной сфере. Данный уровень отражает эгоцентричную позицию личности и отличается шизоидно-параноидальным синдромом черт личности.

Ситуационный уровень характеризовался средними целями, а предложения включали условия достижения целей или их оценку. Мотивация смысла целей на этом уровне была прагматичной или престижной и относилась в большей мере к учебно-профессиональной сфере. Ситуационный уровень отражает рациональную позицию личности и характеризуется снижением показателей клинических шкал методики ММРІ.

Надситуативный уровень характеризуется дальними и высокими целями, в которых проявляется забота о других, тенденции к саморазвитию и самосовершенствованию, а также указываются общечеловеческие ценности. Мотивация внутренняя и творческая, и количественный состав сфер направленности личности обычно широкий. Этот уровень отражает альтруистическую позицию личности, а синдром черт – ипохондро-эмотивный.

Были установлены 4 типа целевой направленности: *альтруистический* (и бессознательно, и сознательно личность руководствуется «возвеличиванием потребностей», по словам П.В. Симонова, выдвигая на первые места высокие и дальние цели. Такой тип конструктивен в общении и в достижении целей); *рациональный* (субъект осознает результаты бессознательной деятельности и корректирует их); *упорствующий* (личность отличается ригидной установкой, упрямством, она не изменяет свое отношение к целям даже после осознания их значимости) и *парадоксальный* (испытываемые этого типа чувствуют себя комфортно, пока не обременены необходимостью принимать решения и нести за них ответственность; когда же они задумываются, то установка инверсирована).

Исследование целевого поведения парасуицидентов проводилась на базе Николаевской больницы скорой медицинской помощи (БСМП). Всего было

охвачено 82 человека – это лица, находящиеся в ближайшем постсуициде (первая неделя после совершенной попытки). В контрольную группу вошли студенты ННУ им. В.А. Сухомлинского очного и заочного отделений, не имевших в анамнезе суицидальных попыток, всего – 108 человек. Внутри экспериментальной и контрольной групп возрастная структура такова: средний возраст экспериментальной группы – 24,39 лет, средний возраст контрольной группы – 23,58 года, ($p=0,533$), что свидетельствует об отсутствии достоверных статистических различий.

Наряду с методикой «Целевой направленности личности» нами применялись также психодиагностические инструментари для оценки психологических характеристик личности, эмоционального состояния и жизненного тонуса на момент исследования, а именно: а) личностный опросник NEO-PI-R, разработанный американскими психологами Р.Т. Costa и R.R. McCrae [16], в его русскоязычной сертифицированной версии [11]; б) шкала депрессии Бека; в) показатель благополучия ВОЗ (*WHO Well-Being Index*, в дальнейшем – WHO); д) шкала безнадежности; е) Шкала оценки насильственных действий Плутчика; ф) шкала характеристик гнева TAS, состоящая из двух субшкал – *Temperament* в дальнейшем (Т) и – *Reaction* (R).

Для оценки роли тех или иных факторов, которые могут быть стрессогенными, и степени этих стрессоров, мы использовали опросник «События жизни».

Как показали результаты исследования, средний показатель количества целей в контрольной группе = 18,56, а в экспериментальной – 4,26. Близких по удаленности целей – 5,74 и 2,97, средних целей – 8,11 и 0,62, а дальних – 4,65 и 0,59 соответственно. Обращает на себя внимание значительная разница на статистически достоверном уровне в количестве выдвинутых целей, с превалированием контрольной группы, особенно в средних и дальних целях.

Таблица 1.

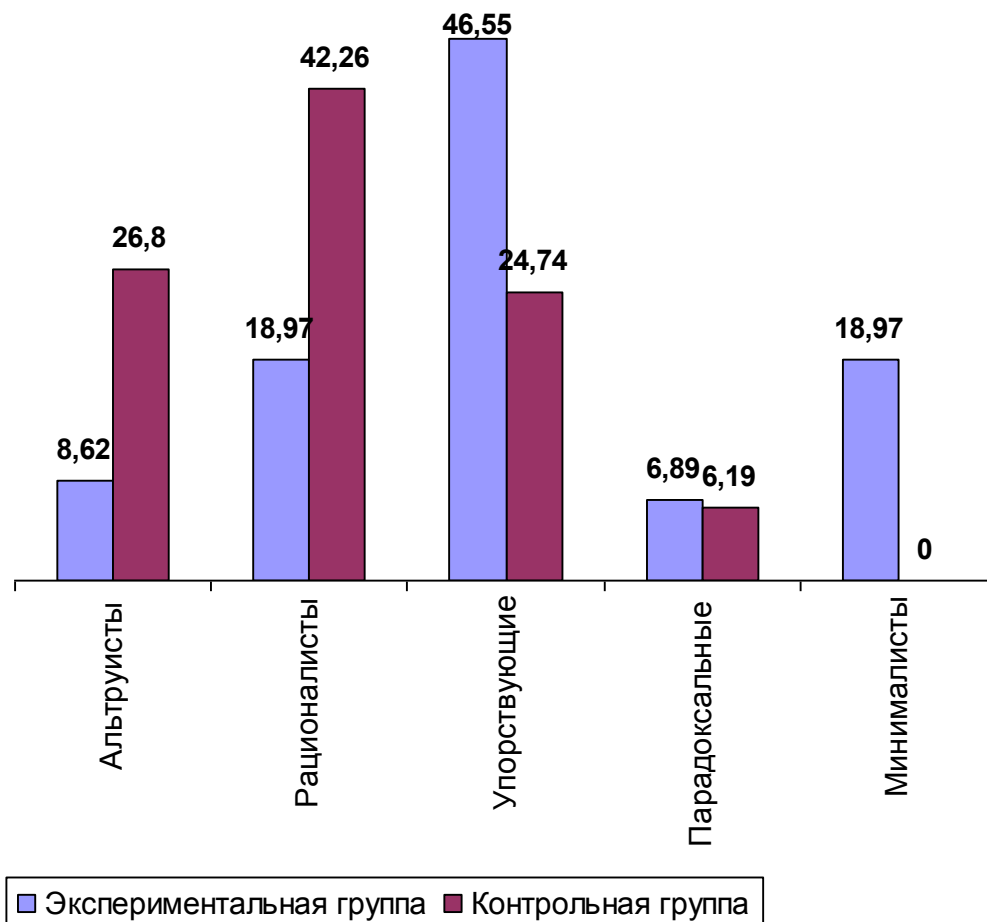
Показатели дальности целей в экспериментальной и контрольной группах

№	Показатели	Эксперимент. группа		Контрольная группа		t-критерий Стьюдента (p<=0,01)
		М	Std	М	Std	
1.	Близкие цели	5,74	4,237	2,97	2,633	4,775
2.	Средние цели	8,118	3,824	0,59	0,957	17,901
3.	Дальние цели	4,645	3,123	0,571	0,957	11,588
4.	Общая сумма целей	18,559	3,837	4,102	3,38	23,104

Что касается типа целевой установки, проведенное нами исследование дало следующие результаты:

Рисунок 1.

Типология целевой направленности
в экспериментальной и контрольной группах



Тип личности *минималисты* введен нами самостоятельно в результате проведенного исследования. Он встречался только в экспериментальной группе. Испытуемые не смогли выдвинуть более одной цели, как правило,

близкой, отражающей их актуальное состояние, корреляционно связанной с тревожностью ($r = 0,285^*$) и отрицательно – с дружелюбием и теплотой в отношениях ($r = -0,322^*$) (* – показатели с вероятностью ошибки $p \leq 0,05$, ** – с вероятностью ошибки $p \leq 0,01$).

Как видим, респонденты с минималистской установкой в контрольной группе отсутствуют, в то же время преобладают с альтруистической и рациональной. В группе парасуицидентов значительно выше доля упорствующих (см. рисунок 1).

У парасуицидентов близкие цели связаны с нейротизмом и ранимостью. Если понимать нейротизм как неумение приспособиться к жизни (в концепции NEO), то сочетание с близкими целями, преследующими возможность адаптации к ближайшим ситуациям и удовлетворение базовых потребностей, тесно связанных с эгоцентризмом, вполне объяснима, что подтверждается их корреляцией со шкалой насильственных действий Плутчика ($r = 0,345^{**}$). Близкие цели направлены на решение эгоцентрических задач, они обусловлены утилитарно-меркантильной мотивацией. Противоречие заключается в том, что они зачастую связаны с рациональной позицией ($r = 0,289^{**}$), и отрицательно ($r = -0,309^*$), – с субшкалой с3 опросника NEO-PI-R, «обязательностью», показатели которой у парасуицидентов ниже нормативных (45,6). Обычно это свойственно лицам, небрежным в вопросах соблюдения этических принципов, моральных обязательств по отношению к другим, в некоторой степени ненадежным.

Как отмечалось нами выше, средние цели обычно соответствуют стадии осознанного отношения к жизни, ставятся на ситуационном уровне, обеспечивают процесс освоения различных видов деятельности, обозначают условия достижения. В нашем случае они свидетельствуют об осознании, но мало ориентированы на действенную позицию: «иметь высокооплачиваемую работу» (без учета путей достижения), «вернуть время назад» (если понимать это в смысле критического отношения к прежнему поступку), «дальше поддерживать с друзьями такие же отношения, как и сейчас», говорящие о

важности межличностных отношений. Напомним также, что средние цели вообще связаны с социальными отношениями, в отличие от эгоцентризма ближних целей. У представителей экспериментальной группы они связаны с субшкалами NEO-PI-R: с4 «стремление к достижению» ($r = 0,291^*$) и с5 «самодисциплина» ($r = 0,266^*$). Проблема в том, что, во-первых, средние цели исходят из парадоксальной установки ($r = 0,303^*$), затем, показатели субшкал – ниже порога нормы, соответственно 47,15 и 46,86. Низкие показатели по с4 свойственны людям апатичным, не амбициозным, что создает впечатление об отсутствии у них цели, довольным низким уровнем своих достижений; что до субшкалы с5, то низкие показатели говорят о феномене, схожим с прокрастинацией. Низкую самодисциплину иногда путают с импульсивностью, поскольку и та, и другая свидетельствуют о низком самоконтроле, но эмпирически они отличаются. Импульсивность говорит о высокой эмоциональной нестабильности, а самодисциплина – об уровне мотивации, которой человек не обладает. Любопытно, что в экспериментальной группе между импульсивностью и самодисциплиной корреляция отрицательная: $r = -0,561^{**}$, подтверждая, что это феномены разного генеза, при том, что импульсивность у парасуицидентов выше нормативного показателя (52,14). Наконец, средние цели отрицательно коррелируют с безнадежностью, $r = -0,309^*$, при том, что ее уровень в этой группе достаточно высок, в том числе, и в сравнении с контрольной группой ($p < 0,001$); иными словами, снижение этих целей может способствовать повышению уровня безнадежности. Дальние цели представлены незначительно и статистически значимых связей не обнаруживают.

В свою очередь, в контрольной группе дальние цели связаны с субшкалой e3, «настойчивостью» ($r = 0,212^*$), несколько превышающий нормативный порог и говорящей об инициативности, стремлении к лидерству. По этому показателю представители контрольной группы превышают аналогичный у парасуицидентов ($p = 0,009$). Дальние цели также отрицательно связаны в контрольной группе с субшкалой nb, «ранимость», одной из слагаемой шкалы

нейротизма ($r = -0,281^{**}$), значение ее у них ниже нормативного (48,7), что означает способность держать себя в руках в трудных ситуациях, т.е., способность справляться со стрессом, в отличие от парасуицидентов ($p < 0,001$). Близкие цели в контрольной группе связана с упорствующим типом целевой направленности ($r = 0,332^{**}$), в то время, как дальние цели с этой установкой имеют у них отрицательную корреляцию ($r = -0,22^*$).

Таким образом, можно констатировать, что целевая направленность парасуицидентов отличается близостью целей и их незначительным количеством по сравнению с контрольной группой на статистически достоверном уровне. Это указывает на то, что парасуициденты характеризуются узостью интересов и кругозора, а также меркантильной мотивацией. Фактически отсутствуют цели дальние в перспективе и высокие по духовно моральным ценностям. Присутствует «мелкотемье» в жизни и выборе целей.

В процессе дальнейшей работы с целевой направленностью мы проводили определенные интервенции по ее коррекции, что составляло один из аспектов консультативной работы с лицами, совершившими суицидальную попытку. Мы выбрали группу ($N = 10$) парасуицидентов из общего числа, которые согласились принять участие в обследовании год спустя после совершения суицидальной попытки.

По типу постсуицида пациенты разделились следующим образом: критический постсуицид – 8 чел., манипулятивный постсуицид – 1 чел., аналитический – 1 чел. Парасуицидентам оказывалась кризисная поддержка, анализировались сложившиеся ситуации, способы разрешения их, на протяжении года поддерживались терапевтические контакты с ними. В процессе терапии проводились исследования целевой направленности личности, личностных психологических характеристик и состояний.

Прежде всего, отметим, что за прошедшее время изменилось количество продуцируемых целей: среднее арифметическое целей (Мц) в постсуицидальном состоянии: 3,38; год спустя: 15,67, ($p < 0,001$). Заметим, что

умение ставить необходимые для себя задачи, выбирать приоритетные, анализировать – это те умения, которые приобретает клиент в процессе терапии или консультирования. К.А. Абульханова-Славская отмечала, что умение ставить цели есть «... способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное ее целям, ценностям, есть высший уровень и подлинное оптимальное качество субъекта жизни» [1, с. 40]. Большинство целей в постсуицидальный период – близкие: 66,7% от общего числа, что подтверждается и корреляцией с общей суммой целей: $r = 0,748^*$.

Пониженная активность в постановке целей вряд ли связана с физическим состоянием на момент исследования, поскольку ни в общем массиве, ни в данной группе нет значимых связей между общим количеством целей и «Медицинской шкалой самоповреждений», скорее она может свидетельствовать о низкой мотивированности субъекта на продуктивную деятельность в целом.

Таким образом, еще раз отметим, что в ближайшем постсуициде респонденты ставили в основном близкие цели, эгоцентричные, призванные адаптировать субъекта в его актуальном состоянии, удовлетворять биологические потребности, потребности в защите и пр. Деятельность личности имеет мало значения – что-то должно случиться, произойти либо кто-то более сильный или компетентный должен прийти и обеспечить защиту, облегчить жизнь. Подобные цели в этой группе тесно коррелировали с упорствующим типом парасуицидента: $r = 0,845^{**}$, отличающимся ригидной установкой.

Средние по удаленности цели в постсуициде были представлены мало – 22,2%. Наименьшее количество целей в постсуицидальном периоде (как и у большинства в экспериментальной группе) – дальние (11,1%), что объяснимо, поскольку пациент в актуальном состоянии не способен выйти в надситуативную позицию. Представление здесь либо благое, но ближе к декларативности, пожеланию: «Быть самодостаточной», либо обусловлено беспокойством за близких: «Чтобы у родных было хорошо». Тем не менее, о

важность подобных установок говорит корреляция дальних целей с субфактором ценности (06): $r = 0,735^*$.

Через год после суицидальной попытки, после консультативной работы, было проведено второе исследование, свидетельствующее о динамических изменениях в целевой и личностной структурах. В первую очередь это связано с целевой направленностью, что соответственно повлекло за собой коррекцию и других характеристик. Как мы отмечали выше, значительно увеличилось количество целей, а также трансформировалась их структура: больше стало средних по удаленности целей, что подтверждено на статистически значимом уровне, а также дальних. Кроме того, личностная типология целевой направленности также претерпела изменение.

Как можно заключить из данных таблицы 2, увеличились альтруистические тенденции и исчезли минималистские, появились рационалистские и понизились упорствующие. Можно говорить о прогрессе в сравнении с ранним постсуицидальным периодом, о процессе адаптации, учитывая, что средние по удаленности цели – это свидетельство рациональной позиции и ситуационного уровня; в то же время необходимо обратить внимание на ряд особенностей этого этапа.

Постановка средних целей связана у наших респондентов в период ремиссии с враждебностью (n_2): $r = 0,774^*$, импульсивностью (n_5): $r = 0,881^{**}$, чувствами (03): $r = 0,793^*$, гневливостью как личностной чертой, Т (в отличие от реактивной гневливости, R): $r = 0,962^{**}$, а также депрессией по А. Беку: $r = 0,821^{**}$. Субфактор «враждебность» в концепции NEO измеряет индивидуальную готовность испытывать чувство гнева, но не показывает исчерпывающе степень его выражения, связанного в том числе с уровнем фактора А (Сотрудничество). Сам показатель n_2 невысок в сравнении с нормой: 51,88 (при норме 50,0), а показатель А выше, чем в постсуицидальный период: 56,75 ($p < 0,168$). Открытость чувств (03), предполагают поглощенность своими эмоциями и высокую ценность эмоций как важной составной части жизни личности, переживающей более дифференцированные эмоциональные

состояния, а не только тоскливого или тревожного спектра ($p < 0,099$). Все это характеризует социализацию (а постановка и реализация средних целей есть обращение к социуму) как эмоционально окрашенную. Кроме того, этот процесс связан с налаживанием и регуляцией межличностных отношений, в которых субъект, стремясь к доминированию, компенсирует свою неуверенность, перенося это на других, о чем говорят связи с гневливостью, депрессией и импульсивностью. Тяга к росту, развитию подразумевает наличие дальних целей, которые у наших респондентов в этот период имеет одну корреляционную связь, с общительностью (e_2): $r = 0,965^{**}$, поскольку, выходя на дальние цели они расширяют круг общения.

О возросших адаптивных способностях наших пациентов свидетельствуют данные таблицы.

Таблица 2.

Сравнительные показатели целевой направленности парасуицидентов двух периодов

№	Показатели (цели)	Постсуицидальный период		Год спустя		t-критерий Стьюдента ($p \leq 0,01$)
		М	Std	М	Std	
1.	Близкие	2,75	1,58	6,57	4,86	2,25 ($p < 0,05$)
2.	Средние	0,63	0,916	4,57	3,69	2,76 ($p < 0,03$)
3.	Дальние	0,5	0,925	2,29	2,215	1,99 ($p < 0,08$)
4.	Сумма целей	3,38	2,445	15,67	4,546	6,003 ($p < 0,001$)

Связи средних целей с некоторыми личностными характеристиками и состояниями говорят о структурных особенностях социализации, но не об интенсивности выражения некоторых составляющих этого процесса, психологических компонентов адаптации. Напротив, мы можем отметить, что уровень депрессии по А. Беку существенно снизился: с критического до отсутствия депрессивных симптомов ($p = 0,020$), снизился также уровень

безнадежности ($p=0,033$). Как следствие, индекс психологического благополучия ВОЗ (WHO) вырос вдвое ($p= 0,001$).

Таким образом, мы предполагаем, что концептуальные принципы футурреальной психологии могут продуктивно реализовываться в коррекционной работе с людьми, пережившими кризисные ситуации, в данном случае, суицидальные, и эта работа ждет своего продолжения.

В свете этого можно предположить дальнейшие пути роста респондентов и работы в этом направлении. Это расширение временной перспективы, масштаба целей, снижение импульсивности и эмоциональности в принятии решений и планировании, которые преследуют достаточно краткосрочные цели, движение к более отдаленным и глубоким целям за счет поведения, базирующегося на опыте и позитивных результатах.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Васильев Я.В. Футурреальная психология и цикличное развитие личности. Николаев: Илион, 2005. 360 с.
3. Васильев Я.В. Футурреальная психология личности. Николаев: Илион, 2007. 518 с.
4. Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во Московского университета, 1980. 440 с.
5. Каневский В.И. Переживание безнадежности в период ближайшего постсуицида // Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка АПН України за ред.: академіка С.Д. Максименка. Т. 7: Екологічна психологія. Вип. 18. Психологія освітнього простору. Миколаїв: ТОВ «Фірма «Іліон», 2008. С. 166-169.
6. Каневский В.И. Намеренность суицидального акта и целевая направленность личности у парасуицидентов в связи с переживанием безнадежности // Журнал практикующего психолога. Вып. 17, 2010. С. 95-106.

7. Каневский В.И. Феномен безнадежности в свете футурреальной психологии // *Zbiór artykułów naukowych "Priorytetowe obszary badawcze: od teorii do praktyki"*. Warszawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2016. S. 25-28.

8. Мансурова И.С. Оценка жизненных событий и формирование диспозиции «Надежда/Безнадежность» // Тезисы Третьего Ярославского методологического семинара. 2003. С. 272-275.

9. Мансурова И.С. Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий: автореф. дис. ... канд. психол. наук: спец. 19.00.05 – социальная психология. Ростов-на-Дону, 2008. 26 с.

10. Мидько А.А., Розанов В.А., Вассерман Д., Вассерман Е., Соколовский М. Связь между переживанием безнадежности, желанием умереть и ожиданием вероятности смерти у лиц, совершающих суицидальные попытки // *Журнал практикующего психолога*. 2010. № 17. С. 107-123.

11. Орел В.Е., Рукавишников А.А., Сенин И.Г. Разработка русскоязычной версии личностного теста NEO PI-R. Руководство. Деп. в ИНИОН РАН. № 522209.10.97.

12. Павлов Иван Петрович. О самоубийствах. Лекция прочитана в Военно-медицинской академии 11 сентября 1913 г. // *Медицинская газета*. 1999. 28 мая. С. 15.

13. Франкл Виктор. Основы логотерапии: психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. 286 с.

14. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 576 с.

15. Beck F.T., Steer R.A. Clinical predictors of eventual suicide: A five to ten year prospective study of suicide attempters // *Journal of Affective Disorders*. 1989 Vol. 17. P. 203-209.

16. Costa P.T., McCrae R.R. Manual for the NEO Personality Inventory. Odessa, Fl.: Psychological Assessment Resources, 1985. 44 P.

17. Miller N.S., Mahler J.C., Gold M.S. Suicide Risk associated with drug and alcohol dependence // *Journal of Addictive Diseases* 10 (3). 1991. P. 49-61.

Сведения об авторе:

Каневский Виктор Ионович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Черноморского национального университета имени Петра Могилы (Николаев, Украина).

Data about the author:

Kanevskiy Victor Ionovich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Psychology Department, Petro Mohyla Black Sea National University (Mykolaiv, Ukraine).

E-mail: 2528kan@gmail.com.